

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ИЗДАНИЕ БРАТСТВА СВ. ВЛАДИМИРА ПРИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ.

1 Августа

№ 22

1908 года.

— ⊖ ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ⊖ —

„Ницшеанская мораль насилія и христіанское смиреніе въ ихъ отхоженіи къ достоинству человѣческой личности“.

Продолженіе *).

Итакъ, главную и основную причину упадка человѣческой личности Ницше видитъ въ господствѣ среди людей христіанскихъ, моральныхъ идеаловъ. Они, по его мнѣнію, устраняютъ и совершенно уничтожаютъ самое цѣнное въ жизни, безъ чего человѣкъ не можетъ существовать—силу, мощь, энергію. Мораль христіанской любви, смиренія, кротости есть мораль слабости, вырожденія. Она пригодна для жизни «заходящей, ослабленной, усталой, осужденной на смерть». Она не можетъ и не должна претендовать на безусловное

*) См. Епарх. Вѣд., № 21.

значеніе. Она получила свое начало въ извѣстное, опредѣленное время, при извѣстной стадіи развитія общества. Причиной появленія ея былъ страхъ. Въ древнія времена, когда только начинали образовываться человѣческія общества и общежитія, когда люди группировались вмѣстѣ, образовывали общину, цѣнились тѣ качества, которыя составляютъ полную противоположность кротости и смиренію. Тогда считалось за добродѣтель физическая сила, отвага, алчность, властолюбіе, корыстолюбіе и прочее подобное, которое теперь клеймится зломъ и преступленіемъ. Такъ было въ первыя времена римской республики. Это было вполнѣ естественно, такъ какъ, только обладая такими качествами, можно было защищать свою общину отъ враговъ. Съ теченіемъ времени, когда эти общины прочно обосновались, опасность нападенія враговъ уменьшилась, измѣнилась въ противоположную сторону и моральная оцѣнка дѣйствій и поступковъ. Теперь стало называться добрымъ и хорошимъ то, что обезпечивало спокойную жизнь общества. «За принципомъ современнаго нравственнаго положенія, гласящимъ, что нравственны тѣ поступки, которые совершаются изъ любви къ людямъ, кроется чувство соціальной трусости, облекающей въ эту форму. Для этого чувства высшая, важнѣйшая, ближайшая цѣль въ томъ, чтобы отнять у жизни все опасное, что въ ней есть; оно требуетъ, чтобы каждый помогалъ этому всѣми своими силами. На этомъ основаніи только тѣ поступки получаютъ наименованіе хорошихъ, которые имѣютъ цѣлью общественную безопасность. Какъ мало радости находятъ теперь люди въ самихъ себѣ, когда высшіе нравственные законы предписываетъ имъ тираническая трусливость, и они такъ безпрекословно позволяютъ приказывать себѣ, смотрѣть поверхъ себя, мимо себя, и въ тоже время имѣть рысьи глаза, для всякаго чужого страданія и чужой нужды! И развѣ это ужасное намѣреніе сгладить и стереть

всѣ жизненныя шероховатости и неровности не есть лучшее средство превратить человѣчество въ песокъ? Песокъ! мелкій, мягкій, рассыпчатый, безконечный песокъ! И это вашъ идеалъ, проповѣдники симпатическихъ аффектовъ». ¹⁾ Благодаря подобной морали всякая независимость, нежеланіе идти за стадомъ считается за опасность и потому клеймится зломъ. «Только ягнята и бараны въ настоящее время сливуть за добрыхъ и добродѣтельныхъ». ²⁾ Они никого не оскорбляютъ, не нападаютъ на другихъ, не мстятъ, а представляютъ это Богу! Они кроткіе и смиренныя праведники. Они говорятъ: «мы слабы, а разъ мы слабы намъ лучше не дѣлать того, для чего мы недостаточно сильны». Но не такъ ли поступаютъ насѣкомыя, которыя прикидываются мертвыми, когда приближается опасность, чтобы не брать на себя слишкомъ многого. Такова ложь и фальшь безсилія, что оно изображаетъ себя какъ добродѣтель добровольнаго смиренія и самоотреченія. ³⁾ Смиреніе и кротость достигли того, къ чему стремились. Они обезличили человѣка, сдѣлали его слабымъ и безвольнымъ, они вытравили все то, чѣмъ сильна и жива личность: могучую волю, властные инстинкты. Эти двѣ, такъ называемыя, христіанскія добродѣтели вредны и незаконны. Не законны потому, что присвоили себѣ характеръ абсолютныхъ цѣнностей, всеобщаго долга, тогда какъ они имѣютъ временное значеніе и теперь потеряли всякій смыслъ. Они не могутъ заставить отречься человѣка отъ своей личности, пожертвовать ею въ интересахъ общаго блага. Индивидуумъ существуетъ самъ для себя и ничто не можетъ стѣснять его развитіе по законамъ собственной его природы. Личность является самоцѣлью, поэтому человѣкъ и долженъ освободиться отъ всѣхъ нравственныхъ предразсудковъ, между которыми одно изъ глав-

¹⁾ Утренняя Заря.

²⁾ По ту сторону добра и зла.

³⁾ Происхожденіе морали.

ныхъ мѣсть занимають кротость и смиреніе, для того, чтобы дать полный просторъ силамъ, заложеннымъ въ его существо. Кто руководится этимъ правиломъ, кто цѣнитъ прежде всего индивидуальность, тѣ совершили такія дѣла, которыя служатъ предметомъ удивленія и восхищенія въ настоящее время. Смиреніе и кротость должны быть изъяты изъ области цѣнностей и заклеены, какъ порокъ, котораго слѣдуетъ избѣгать современному человѣку. «И нравственная земля кругла. И на нравственной землѣ есть антиподы. И антиподы имѣютъ свое право на существованіе»¹⁾. И они гораздо нужнѣе для жизни, чѣмъ кроткіе и смиренные. Сколько, напримѣръ, энергіи, силы, мощи таится въ тѣхъ людяхъ, которыхъ кроткая мораль называетъ преступниками, злодѣями, убійцами. Въдѣ кого мы называемъ преступникомъ? Того, кто преступаетъ старое, прежніе обычаи и вѣрованія. Если такой человѣкъ внесетъ что либо новое и благодаря этому преступитъ старое, то онъ преступникъ. Но на самомъ дѣлѣ—это типъ сильнаго человека, который, попавъ въ неблагопріятную обстановку для своихъ дѣйствій, желаетъ быть творцомъ новаго, еще неизвѣданнаго обществомъ. Но эти его желанія находятъ не только противодѣйствіе, но и порицаніе со стороны послѣдняго. И вотъ такой человѣкъ, когда не имѣетъ достаточно силы для того, чтобы довести до конца свою идею и падаетъ въ борьбѣ съ обществомъ, тогда онъ попадаетъ въ категорію преступниковъ. Но случается и такъ, что человѣкъ съ сильной волей беретъ верхъ надъ обществомъ, тогда его считаютъ не преступникомъ, а великимъ человекомъ²⁾.

Нужно вернуть человѣку мужество къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя считаются злыми, эгоистическими.

Цѣлью жизни каждаго индивидуума должно быть «возможно высокое могущество и великолѣпіе человѣческаго типа

1) Веселая наука.

2) Сумерки боговъ.

и культуры». «Цѣль человѣчества не въ его конечныхъ результатахъ, а лишь въ его конечныхъ типахъ. Человѣчество должно стремиться къ созданію отдѣльныхъ великихъ личностей, только это, а не что либо иное составляетъ его цѣль»¹⁾. Если созданію этого высшаго типа людей препятствуетъ современная мораль смиренія, то въ основу дѣйствія и поступковъ человѣка должно положить не разслабляющее сознаніе своей слабости и ничтожества, но чувство гордости и презрѣнія къ людямъ. «Гдѣ и при какихъ условіяхъ, спрашиваетъ Ницше, выросло всего лучше растеніе-человѣкъ? Думаемъ, что чѣмъ болѣе увеличивалась опасность его положенія, тѣмъ въ болѣе тонкихъ и смѣлыхъ формахъ развивались подъ долгимъ гнетомъ и принужденіемъ его изобрѣтательность и способность къ самоизмѣненію, а его стремленіе къ жизни должно было возрасти до безусловно властной силы; мы думаемъ, что жестокость, насиліе, рабство, опасность, физическая и нравственная скрытность, стоицизмъ, искусство соблазнять и всевозможная дьявольщина, что и все злое, страшное, тираническая, хищническое и змѣиное въ человѣкѣ столько же благопріятствуютъ возвышенію породы «человѣкъ», какъ и его противоположность»²⁾. «Изслѣдуйте жизнь лучшихъ людей и народовъ, продолжаетъ Ницше, и спросите себя, можетъ ли дерево, которому предназначено гордо выситься надъ окрестностью, обойтись безъ дурной погоды и бурь: не принадлежатъ ли неблагорасположеніе и сопротивленія извнѣ, всякаго рода ненависть, зависть, своекорыстіе, недовѣріе, суровость, алчность и насильничество къ благопріятствующимъ обстоятельствамъ, безъ которыхъ едва ли возможны большой успѣхъ въ добродѣтели? Ядъ, отъ котораго гибнетъ слабая натура, только укрѣпляетъ сильнаго, и онъ даже не называетъ его ядомъ»³⁾.

1) А. Риль, «Ф. Ницше, какъ художникъ и мыслитель», ст. 84.

2) По ту сторону добра и зла.

3) Веселая наука.

Итакъ, сила—вотъ единственный критерій того, что на современномъ языкѣ называется моралію. Она не знаетъ любви и состраданія. Въ Заратустрѣ читаемъ слѣдующее: «Волны все вздымаются и вздымаются—волны великой бѣды и печали, скоро онѣ подхватятъ твою ладью и унесутъ тебя... Неужели все еще не слышишь? не шумитъ ли, не реветъ ли что то изъ глубей? Заратустра смолкъ и прислушался, и тогда онъ услышалъ протяжный, протяжный крикъ, который схватывали бездны отъ нижнихъ къ высшимъ и передавали, ибо никто не захотѣлъ бы его удерживать: такую злобою звучалъ онъ. Это, наконецъ, сказалъ Заратустра, крикъ бѣды, и онъ—воплъ человѣка. Что мнѣ до человѣческихъ бѣдъ! Мой послѣдній грѣхъ, еще уцѣлѣвшій во мнѣ, ты же знаешь какъ онъ зовется! Состраданіе — отвѣтилъ пророкъ»¹⁾. Здѣсь же мы читаемъ: «война и мужество совершили больше великихъ дѣлъ, чѣмъ любовь къ ближнему. Не милосердіе ваше, а храбрость спасала до сихъ поръ несчастныхъ. Что хорошо, спрашиваете вы? Хорошо быть храбымъ. Пусть маленькія дѣвочки говорятъ, что хорошо то, что въ тоже время красиво и трогательно»²⁾.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Жѣсколѣкъ словъ о катехизаціи.

Въ № 8 Вѣстника Виленскаго Св.-Духовскаго Братства напечатана замѣтка П. А. К. подъ заглавіемъ «моя практика»³⁾. Авторъ проситъ откликнуться по поводу его замѣтки, по-

¹⁾ Такъ говорилъ Заратустра.

²⁾ Ibid.

³⁾ Замѣтка «Моя практика» Редакціею Виленскаго Вѣстника перечитана изъ Екатеринославскихъ Е. Вѣдомостей (см. Е. Вѣд. 1908 г., № 7, стр. 250—262)